

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ НАЧАЛО СБОРНИКА УКРАИНСКОГО ИМАЖИНИСТА Л. ЧЕРНОВА «ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ»

Т. А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье исследуются интертекстуальные отсылки в сборнике Л. Чернова «Профсоюз сумасшедших», соотносящие его творчество не столько с имажинистским, сколько с общеавангардным литературным контекстом, что позволяет говорить специфике его литературного поиска.

Ключевые слова: имажинизм, авангард, Л. Чернов.

Abstract: the article researchers the intertextual references in the book by L. Chernova "Union crazy" that relate his work not only with literary context imagism and avant-garde, which suggests the specifics of its literature search.

Keywords: imagism, avant-garde, L. Chernov.

Русский имажинизм занимает особое место в ряду многочисленных литературных течений 1920-х гг. XX века. Теоретическим центром имажинизма являлся московский «Орден имажинистов», в состав которого входили В. Шершеневич, А. Мариенгоф, С. Есенин и др. Будучи эстетическим ориентиром для ряда факультативных групп авангардного характера [1], имажинизм имел множество приверженцев в российских городах: Петрограде (Воинствующий орден имажинистов), Саранске, Казани. Поэтике имажинизма следовали представители белорусской [2, 8], еврейской [2, 20], украинской литератур.

Литературная деятельность представителей второго ряда имажинистов изучена недостаточно, что определяет актуальность предпринимаемого исследования. Так, литературная практика имажиниста из украинского города Александрия Леонида Чернова (1899–1933) не удостоивалась персонального внимания. Его имя можно увидеть лишь в комментариях к отдельным стихотворениям в изданиях, посвященных имажинизму как литературному течению 1920-х гг. [3, 438–439]. Биографические справки о Л. Чернове содержат сборник «Поэты-имажинисты» [3, 526–527], статьи Р. Мельникова [4], А. Белых [5].

Поэты-имажинисты второго ряда выстраивают свое творчество между тремя определяющими зонами влияния, связанными с именами лидеров – теоретиков имажинизма Вадима Шершеневича, Анатолия Мариенгофа, Сергея Есенина. Творчеству Леонида Чернова эта тенденция свойственна лишь отчасти. Специфика литературного пути украинского имажиниста не позволяет однозначно соотносить его с имажинистским кругом, несмотря на его инте-

рес к деятельности московских имажинистов и долгое членство в петроградском «Воинствующем ордене имажинистов». Литературная деятельность Л. Чернова представляет собой характерный пример творчества провинциального автора, испытывающего интерес к авангарду в целом. Известно, что в Одессе (1923 г.) он сблизился с футуристами, в том же году встречался с В. Шершеневичем и петербургскими имажинистами, планировал участие в не вышедшей в свет «Малой антологии имажинистов», впоследствии, по возвращении на Украину, поддерживал контакты с группой «Новая генерация», возглавляемой футуристом Михаилом Семенко, был членом группы «Авангард» (лидер – Виктор Прошук), исповедовавшей принципы «пролетарского конструктивного динамизма» (См. [3], [4], [5]).

Наиболее показательным примером авангардно ориентированной творческой деятельности Л. Чернова является сборник «Профсоюз сумасшедших» (1924 г.), объединивший стихотворения 1921–23 гг.

Несмотря на то, что сборник посвящен «друзьям-имажинистам» (Виктории Белановской, Сергею Гончарову, Иосифу Кричевскому, Георгию Филианскому), его мотивно-образную систему можно соотнести с русским литературным авангардом в целом. Эту особенность текстов Л. Чернова отмечает, в частности, Г. Синило: «При всей зависимости от поэтики Шершеневича, поэзия Чернова имеет и свое оригинальное лицо: в ней гораздо больше судорожной экзатичности, глобальности образов, и порой эти черты напоминают опыты экспрессионистов и футуристов» [6].

Апелляция Л. Чернова к имажинистской поэтике очевидна. Обозначим наиболее показательные курсы этого соотношения:

1. Автопрезентация. Акцентирование внимания на творческом субъекте вообще характерно для

литературной практики имажинистов. Вспомним, например, название поэмы А. Мариенгофа «Анатолеград». К формам вербально выраженной автопрезентации прибегает и Л. Чернов, соотнося свое индивидуальное творчество с деятельностью имажинистов: «Мы – бродяги в счастье, мы – имажинисты» [7, 21]. Автопрезентации Л. Чернова нередко выстраиваются с учетом имажинистской образности. Например, автометаописательное стихотворение «Леонид Чернов» переключается с «Квartetом тем» В. Шершеневича: строка «Но никто не знает меня» присутствует в обоих текстах [7, 21], [8]. Лирический герой Л. Чернова называет себя одним из «жонглеров тел и пасхальных сердец» [7, 21], что также напоминает о литературных опытах В. Шершеневича и других имажинистов, настаивавших на том, что искусство есть не что иное, как смена масок, и отношения между жизнью и искусством выстраиваются в игровой парадигме.

Выравнивание поэтического текста по правому краю. Графический прием, используемый В. Шершеневичем для обозначения его текстов имажинистского периода, системно применяется в сборнике «Профсоюз сумасшедших» Л. Чернова. В тексте украинского имажиниста этот прием содержательно обыгран: он подчеркивает инакость героев стихотворения – людей, сценарий жизни которых явно не соответствует нормам и представлениям обывателей.

3. Цитатные заголовочные комплексы. Не составляющие магистральную тенденцию в имажинистском текстостроении, цитатные заголовки становятся приметой поэтики Л. Чернова. Многие из них соотносятся с заголовками или фрагментами текстов представителей имажинистского центра. Ср.: «Эквилибристика образа» Л. Чернова – «Принцип звука минус образ», «Инструментовка образом», «Ритмическая образность» и др. В. Шершеневича; «Золотой кипятком» – сборник «Золотой кипятком» (С. Есенин, А. Мариенгоф, В. Шершеневич, 1921 г.); «Самосожжение» – сборники «Самосожжение» Рюрика Ивнева (книги стихов) 1913, 1914, 1916, 1917 гг.; «Стрелы бури» – сборник «Конница бурь» (А. Ганин, С. Есенин, А. Мариенгоф, 1920), а также подзаголовки: «Опыт динамической статики», «Опыт динамизма скульптуры» у Л. Чернова – заголовки «Динамическая статики», «Динамизм темы» у В. Шершеневича и др.

Апеллятивное поле сборника Л. Чернова составляют не только произведения имажинистов. В его художественном арсенале также поэма кубофутуриста В. Маяковского «Облако в штанах», нередко становившаяся предметом внимания имажинистов [10] [11]. Подзаголовок стихотворения Л. Чернова «Профсоюз сумасшедших (Второй крик)» – апелляция к «Облаку в штанах» («Четыре крика четырех частей»). Обращался Л. Чернов и к литературной периферии русского авангарда: в «Метрополитенах

улыбок» Л. Чернова слышится реминисценция строки «Метрополитена улыбки садистические» эгофутуриста И. Игнатьева («OPUS: – 55¹⁵» И. Игнатьева) [13, 2].

4. Переключки лирических сюжетов и образов текстов Л. Чернова и московских имажинистов. Так, к сюжету «Песни песней» обращались, помимо украинского имажиниста, В. Шершеневич, А. Кусиков, М. Ройзман, сохраняя название пратекста в заголовках своих произведений. Обращение к «Песни Песней» в рамках имажинизма не было случайным. Стиль «Песни Песней» они воспринимали как начало имажинизма (см. у В. Шершеневича: «Соломону – первому имажинисту»). Типично для лирики имажинистов также использование образов Голгофы (сравним: «Пятилетняя Голгофа. Поэмы» Л. Чернова – «Голгофа Мариенгофа» (строка В. Хлебникова)) и Магдалины, нередко выносимых в заголовки текстов, (см. стихотворение Л. Чернова [9, 53] – и поэму «Магдалина» А. Мариенгофа.

Восприятие поэзии как цепочки образов. Иллюстрировать эту важную для имажинистской поэтики мысль можно случайным отрывком из стихотворений Л. Чернова:

И среди тех, что колбасами в буднях висели,
Чтоб валюту, вагоны и кожу ловить —
Мы в огненных розах
Свистим в карусели
Веселой, бушующей, пьяной Любви [13, 7].

Специфическое понимание характера взаимоотношений поэта и толпы. Поэт-циник, гаер, шут, арлекин – сквозной персонаж лирики имажинистов – цинически выстраивает взаимоотношения с представителями толпы, эпатуруя их вкусы, выстраивая с ними отношения торга. Так в «Ярмарке мечтателей» Л. Чернова [13, 21] и «Кооперативах веселья» В. Шершеневича [14].

Отказ от трагического. Значимая для имажинизма идея просматривается в заголовках стихотворений Л. Чернова «Факультеты радости», «Ярмарка мечтателей» и В. Шершеневича «Кооперативы веселья».

Тем не менее, как мы уже отмечали, наряду с цитатным и аллюзийным обращением к имажинистскому творчеству, в литературной работе Л. Чернова есть и иные, показательные для авангарда в целом или отдельных авангардных направлений моменты. В их числе:

Сюжетообразующая антитеза 'я' – 'вы', фиксируемая во всех без исключения произведениях Л. Чернова из сборника «Профсоюз сумасшедших». Ее реализация оказывается значимей для автора, нежели обозначение формальных признаков текста, размышление над структурой образа. Базовая характеристика 'я' – динамизм. Отсюда строки: «Эй, – все, кому нудно в вонючей квартире...» [15, 7], «Где в плесени дней – невозможная вонь» [15, 8].

2. Религиозные построения, соотносимые с футуристическими, отрицание канонической религиозной доктрины: «Мы обратно вышвырнем богу / и Евангелие и Коран» (мотив не характерен для петербургского имажинизма), построение новой: «Мы напишем новую Библию / Пером из хвостов комет» [15, 9]. «Евангелие от Чернова» (сб. 1920 г.) – ср. с текстом В. Маяковского («Тринадцатый апостол» – первый вариант названия поэмы «Облако в штанах»).

3. Общеавангардные проявления эпатажа, эстетика «плевка» (ср. В. Маяковский «Нате!», А. Мариенгоф «Кровью плюем зазорно...»): «Плевком – на огни из дешевого воска...» [15, 8], стихотворение «Плюнуть в лицо» [15, 16].

4. Мотив сумасшествия в соотнесении с мотивом телесности (см. также, например, стихотворение И. Северянина «В березовом котэдже» [16, 14–15], в котором безумие понимается как погружение в пучину страстей, удовлетворение своих желаний, в том числе физического порядка). Сумасшествие в интерпретации Л. Чернова предполагает физиологичность, которая воспринимается как антитеза рациональности и духовности. Поэт нарочито различает веселье тела и вещизм, который явно ассоциируется с миром обывателей:

И среди тех, кто колбасами в буднях висели,
Чтоб валюту, вагоны и кожу ловить, –
Мы в огневых розах
Свистим в карусели

Веселой, бушующей, пьяной Любви [17, 8].

Неприятие обывательского быта также в целом характерно для футуристической линии развития русского авангарда.

5. Представление о безумии. Обозначение эмоционального компонента сумасшествия. В сборнике Л. Чернова эмоция безумия – радость, что характерно для лирики авангарда: ср. «Срываю / Тоску с сумасшедшего сердца. / И кружусь / И пьянею / На базарных каруселях веселья» (Г. Сидоров [18, 100]). Восприятие безумия как способа преодоления всевозможных границ, беспредельного раскрепощения. Ср. у Л. Чернова:

Так давайте же к солнцу прямо чрез тучи,
Чтобы радугой в небо железные плечи,
Давайте откроем – веселый, могучий –
Профсоюз Сумасшедших! [19, 8]

и у И. Игнатъева: «И тогда я услышу всю звучь и увижу весь спектр» [20, 6].

6. Привычная для футуристической традиции антитеза «статика» / «динамика». Ассоциируемые со статикой «чадить», «нудно», «воск», «вонь» получают в сборнике Л. Чернова следующие противопоставления: «рев», «громовое Проснись», «веселая... Любовь». В тексте присутствует также антитеза малое vs большое, поддерживающая основную: так, с одной стороны, появляются образы «грошковые

свечи», «блоха», с другой – во фрагментах текста используются заглавные буквы, иллюстрирующие ценности новых людей, которым открыта полнота чувств: «Любовь», «Проснись», «Профсоюз Сумасшедших», полнота восприятия мира, в котором есть цвет (розы) и звук (рев).

7. Использование глаголов повелительного наклонения, которые иллюстрируют футуристическую проективность, идею преобразования настоящего:

Так давайте же к солнцу прямо чрез тучи,
Чтобы радугой в небо железные плечи,
Давайте откроем – веселый, могучий –
Профсоюз Сумасшедших! [19, 8]

8. Радостное, а не безоценочно-констатационное, как в лирике имажинистов, восприятие революции: «Колосом Радости в солнечных нивах / Зреет для нас Революция» [19, 10].

9. Использование поэтических приемов, не востребованных имажинистами, например каламбурной рифмы:

Шептал хихи-
Кая ехи-
Дно – тих-
Ий труп» [19, 27].

Таким образом, сборник Л. Чернова «Профсоюз сумасшедших» содержит интертекстуальные отсылки как к имажинистскому, так и общеавангардному литературному контексту, что позволяет говорить о специфике направления его литературного поиска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тернова Т. А. Авангард футуристической линии развития как целостное эстетическое явление / Т. А. Тернова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 200–206.

2. Ройзман М. Белорусские имажинисты. Еврейские имажинисты / М. Ройзман // Гостиница для путешествующих в прекрасном. – 1924. – № 1 (3). – С. 8, 20.

3. Поэты-имажинисты / сост. Э. М. Шнейдерман. – СПб.: Петерб. писатель, 1997. – 536 с.

4. Мельників Р. На Розі Бур Театру Бунтів / Р. Мельників // Кур'єр Кривбасу. – 2007. – листопад-грудень. – С. 148–159.

5. Белых А. «Профсоюз сумасшедших» / А. Белых // Сетевая словесность. – Режим доступа [http://www.netslova.ru/belyh/chernov.html]

6. Синило Г. В. Танах и мировая поэзия / Г. В. Синило. – Минск: Экономпресс, 2009. – 880 с. Режим доступа [http://zinki.ru/book/tanah-i-mirovaya-poesiya/pesn-pesnej-i-russkij-imaghinizm/29].

7. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток: Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.

8. Шершеневич В. Лошадь как лошадь. – 3-я книга лирики / В. Шершеневич. – М.: Кн-во Плеяда, 1920. – Б. п.

9. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.
10. Прилепин З. Великолепный Мариенгоф / З. Прилепин // Сура (Пенза). – 2014. -- № 1. – С. 155–166.
11. Тернова Т. А. «Облако в штанах» В. Маяковского как прецедентный текст в поэзии А. Мариенгофа имажинистского периода / Т. А. Тернова // Труды молодых ученых ВГУ. – Воронеж : ВГУ, 2007. – Вып. 1-2. – С. 180–183.
12. Игнатъев И. Эшафот. Эго-Футуры / И. Игнатъев. – СПб. : Петербургский глашатай; 1914. – 16 с.
13. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.
14. Шершеневич В. Лошадь как лошадь. – 3-я книга лирики / В. Шершеневич. – М. : Кн-во Плеяда, 1920. – Б. п.
15. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – 80 с.
16. Северянин И. Собр. соч. : В 5 т. / И. Северянин. – Т. 1 – М. : Книжный клуб ТЕРРА, 2008.
17. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – С. 7.
18. Русский экспрессионизм / сост. В.Н. Терехиной. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 100.
19. Чернов Л. Профсоюз сумасшедших. Лирика / Л. Чернов. – Владивосток : Промкомпомгол, «Красное знамя», 1924. – С. 8.
20. Игнатъев И. Эшафот. Эго-Футуры / И. Игнатъев. – СПб. : Петербургский глашатай; 1914. – 16 с.
21. Экспрессионисты / Е. Габрилович, Б. Лапин, С. Спасский, И. Соколов. – М. : Сад академа, 1921. – 16 с.

Воронежский государственный университет

*Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории ли-
тературы и фольклора*

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

*Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor of the
Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature
and Folklore Department*

E-mail: ternova@phil.vsu.ru